

Л. Г. Дорн

Об узуфрукте по римскому праву

Том 1

УДК 340
ББК 67.0
Д68

Д68 **Дорн Л.Г.**
Об узуфрукте по римскому праву: Том 1 / Л. Г. Дорн – М.: Книга по Требованию, 2013. – 506 с.

ISBN 978-5-518-06448-5

ISBN 978-5-518-06448-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Значеніе, которое придается римскому частному праву еще въ повѣйшія времена, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что оно по большей части сложилось изъ началъ, выработанныхъ учеными юристами, вслѣдствіе чего это право въ главныхъ основаніяхъ своихъ ученій носитъ отпечатокъ строгой логической, научной дѣятельности и представляетъ мало постановленій, не вызванныхъ жизненными потребностями или научною послѣдовательностію. Такъ какъ однако это качество римскаго права на нѣкоторыхъ институтахъ его проявляется сильнѣе, нежели на другихъ, то, кажется, понятно, что при выборѣ предмета изъ особенной части римскаго гражданскаго права для обработки въ государствѣ, въ которомъ это право не имѣетъ значенія положительнаго закона, но служитъ предметомъ изученія преимущественно съ теоретической точки зрѣнія, слѣдуетъ остановиться прежде всего на тѣхъ частяхъ, которыхъ менѣе всего касались законодательные органы, которыя именно выработаны почти исключительно римскою юриспруденціею. Между такими предметами особенно видное мѣсто занимаетъ ученіе о сервитутахъ или правахъ непосредственнаго пользованія чужими вещами. Изложеніе этого ученія представляется у насъ тѣмъ болѣе удобнымъ, чтобы не сказать необходимымъ, по той причинѣ, что сервитуты въ русской юридической литературѣ менѣе всѣхъ другихъ

институтовъ подвергались достаточной обработкѣ. Между тѣмъ мы видимъ, что во всѣхъ странахъ западной Европы институтъ сервитутовъ сохранилъ дѣйствіе и значеніе и послѣ того, какъ римское право потеряло тамъ обязательную силу, вслѣдствіе изданія собственныхъ туземныхъ кодексовъ. Ученіе это перешло въ плоть и кровь западныхъ народовъ, изъ чего уже явствуетъ, что оно отнюдь не есть искусственное созданіе римскихъ юристовъ, несогласное съ дѣйствительными потребностями практической жизни, созданіе, которое было бы навязано народу юристами, но что оно соотвѣтствуетъ сущности вещей и вытекаетъ изъ самой природы жизненныхъ отношеній. Обращая вниманіе на русское право, мы не только въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ находимъ институты, соотвѣтствующіе очевидно сервитутамъ, какъ напримѣръ: пожизненное владѣніе, пользованіе въ видѣ отдѣленнаго отъ собственности самостоятельнаго права. Мы видимъ болѣе, а именно: съ одной стороны повѣйшее наше законодательство въ нотаріальномъ уставѣ даже вводитъ слово сервитутъ въ русское право; съ другой же стороны въ общественномъ мнѣніи и въ юридической практикѣ пашей явно проглядываетъ стремленіе обращать въ подобныя сервитутамъ учрежденія и такіе институты нашего права, на счетъ которыхъ еще можетъ быть споръ въ томъ отношеніи, должно ли ихъ разсматривать какъ обязательственныя откошенія или какъ вещныя права (*jura in re aliena*). Такъ какъ по вышесказанному существованіе подобныхъ сервитутамъ институтовъ въ русскомъ правѣ не подлежитъ сомнѣнію, а съ другой стороны нельзя оспаривать того обстоятельства, что эти институты представляются у насъ недостаточно разработанными, то намъ кажется своевременнымъ представить отдѣлъ изъ римскаго ученія о сервитутахъ, надъ разработкою которыхъ римскіе юристы трудились въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и довели ихъ до такого состоянія, что повѣйшіе зако-

податели перенесли въ свои кодексы большую часть римскихъ постановленій объ этомъ предметѣ, а современные ученые указываютъ на римское право, какъ на пособіе при объясненіи тѣхъ вопросовъ по этому ученію, которые не разрѣшены въ новѣйшихъ кодексахъ. Такъ, въ особенности относительно кодекса Наполеона, см. Duranton: Cours de droit Français II. Brux. 1835. p. 802. „C'est généralement le droit Romain, qui sert de guide à nos jurisconsultes dans l'interprétation des points obscurs de nos lois sur l'usufruit et les servitudes: nous en avons adopté les principes; ils sont le type de notre droit ancien et moderne sur cette matière, sauf toutefois qu'en cela, comme en beaucoup d'autres choses, nous avons rejeté les subtilités introduites par l'esprit de secte, et les décisions fondées sur quelque raison particulière, étrangère à nos mœurs et à notre système de législation.“

По этимъ соображеніямъ мы выбрали предметомъ нашего разсмотрѣнія самый обширный по объему доставляемыхъ имъ матеріальныхъ правъ сервитутъ, а именно узупруктъ, *usufructus*, *usufruit*, *Niessbrauch* oder *Nutzniessung*, по отношенію къ которому мы встрѣчаемъ аналогическое явленіе въ нашемъ правѣ въ институтѣ пожизненнаго владѣнія. И пожизненное владѣніе именно, подобно узупрукту, выработалось изъ желанія лица предоставить другому всѣ матеріальныя выгоды отъ извѣстной вещи, всю производительность ея, безъ предоставленія ему права собственности, т. е. права распоряженія этою вещію.

При изобиліи матеріала, безъ разсмотрѣнія котораго нельзя обойтись при такомъ изложеніи ученія объ узупруктѣ, которое могло бы считаться научнымъ, намъ казалось болѣе удобнымъ распредѣлить этотъ матеріалъ въ двухъ томахъ, причемъ въ составъ втораго тома у насъ войдутъ слѣдующіе вопросы: 1) О дѣлности узупрукта. 2) Способы установленія и прекращенія

этого права. По поводу этого вопроса намъ придется разсматривать подробно ученіе объ узупфруктѣ, основанномъ на самомъ законѣ (*usufructus legalis*), а также довольно обширное ученіе о правѣ приращенія, примѣняемомъ къ узупфрукту (*de usufructu accrescendo*). 3) Юридическія средства, даваемыя фрукутарію по поводу узупфрукта, и, въ видѣ заключенія, мы 4) подвергнемъ тщательному изслѣдованію вопросъ о томъ, можетъ ли узупфруктъ быть разсматриваемъ какъ часть собственности.

И. Дорнъ.

Санктпетербургъ,
10-го сентября 1871 года.

ВВЕДЕНИЕ.

Мѣсто нашего предмета въ системѣ частнаго права.

Предметомъ нашего разсмотрѣнія будетъ римское ученіе объ институтѣ извѣстномъ подъ названіемъ: *ususfructus*, учрежденіи, которое мы и по русски будемъ называть узупфруктъ, потому что это слово употребляется и русскими цивилистами ¹⁾ и мы не могли отыскать подходящаго русскаго слова, которымъ бы выражался признакъ, отличающій узупфруктъ отъ другихъ личныхъ сервитутовъ. Терминъ: плодонаслажденіе который прежде иногда употреблялся въ нашей юридической литературѣ для обозначенія узупфрукта (переводъ нѣмецкаго слова *Fruchtgenuss*), намъ кажется совершенно не соответствующимъ, по неопредѣленности юридическаго понятія обозначаемого словомъ наслажденіе.

Въ новѣйшее время появилось слово: пользовладѣніе, употребленное именно для обозначенія узупфрукта комиссіею, которая занималась переводомъ французскаго гражданскаго кодекса на русскій языкъ. Неудобство этого выраженія однако заключается въ томъ, что слово владѣніе, имѣющее свое техническое значеніе, по которому указывается имъ отношеніе къ вещи рѣзко отличается отъ вещныхъ правъ, по этому самому не мо-

¹⁾ См. Побѣдоносцева: Курсъ Гражданскаго Права. СПб., 1868, I, § 61.

жесть быть употреблено для обозначенія одного изъ этихъ правъ. Правда, наше законодательство само употребляетъ слово владѣнiе для отношенiй сходныхъ съ узуфруктомъ, въ выраженiи: пожизненное владѣнiе, а также въ ст. 514 I ч. X т. Св. Зак., но, если придерживаться его, слѣдовало бы просто употребить слово владѣнiе, ибо прибавленiе: пользо-, какъ намъ кажется, нисколько не указываетъ на особенности владѣнiя по поводу узуфрукта. Сложное слово: пользовладѣнiе не выражаетъ подлежащаго понятiя лучше простаго слова: пользованiе, такъ какъ и пользованiе само по себѣ предполагаетъ въ лицѣ пользователя естественное владѣнiе вещью, а объ этомъ естественномъ владѣнiи конечно тутъ только и можетъ быть рѣчь, такъ какъ извѣстно что, по римскому праву покрайней мѣрѣ, фрунтуарiй не получалъ юридическаго владѣнiя относительно той вещи, которою онъ пользуется. Прибавленiе слова владѣнiе къ пользованiю (пользо-) имѣло бы значенiе только тогда, когда бы имъ выражалась возможность плодоизвлеченiя (въ противоположность пользованiя другими качествами вещи, кромѣ присвоенiя себѣ произведенiй ея); между тѣмъ этого значенiя нельзя признать, такъ какъ бывають случаи владѣнiя безъ права извлеченiя плодовъ (*creditor pignoratiticius*). Наконецъ слово владѣнiе и не имѣетъ преимущества указывать на самостоятельность обозначаемаго имъ права, ибо пользованiе чужимъ домомъ по найму и пр., по господствующему въ наукѣ и практикѣ взгляду, по русскому праву также имѣетъ характеръ самостоятельнаго (вещнаго) права, а между тѣмъ въ отношенiи къ нему ограничиваются словомъ: пользованiе, которое и законодательствомъ употребляется для обозначенiя вещнаго права: ст. 536 I ч. X т. Св. Зак., подъ которую во всякомъ случаѣ подходитъ узуфруктъ движимыхъ вещей.

Дѣйствительно болѣе удобнымъ для обозначенiя узуфрукта, нежели пользовладѣнiе, могло бы показаться простое слово: пользованiе, такъ какъ въ пользованiе въ обширномъ смыслѣ

входитъ и плодоизвлеченіе. Въ виду же особеннаго сервитута *usus*, для обозначенія узупфрукта слѣдовало бы употребить выраженіе: полное пользованіе (ст. 536). Противъ этого однако опять могутъ быть приведены слѣдующія соображенія: узупфруктъ по римскому праву не всегда и безусловно доставляетъ полное пользованіе вещью, какъ видно изъ того, что въ одной и той же вещи одному лицу можетъ принадлежать узупфруктъ, а другой можетъ имѣть *usus*, причемъ фрунтуарій пользуется только излишкомъ остающагося за удовлетвореніемъ узупарія. См. *fr. 42 pr. Dig. de usufr. 7, 1*. Кроме того въ наукѣ выраженіе: полное пользованіе (*volle Benutzung*) не всегда употребляется въ смыслѣ ст. 536; ученые говорятъ о полномъ пользованіи ея ограниченнымъ плодоизвлеченіемъ. См. *Schoenemann: Servituten § 11*.

Вслѣдствіе всего этого мы останемся при римскомъ терминѣ и будемъ приводить рассматриваемый нами институтъ подъ названіемъ: узупфруктъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію ученія объ узупфруктѣ въ особенностяхъ, мы считаемъ необходимымъ во введеніи указать на то мѣсто, которое нашъ институтъ занимаетъ въ системѣ римскаго гражданскаго права вообще.

Ususfructus, какъ видовое понятіе, подходитъ подъ родовое, общее понятіе сервитутовъ (личныхъ, *servitutes personarum*), которые въ свою очередь составляютъ видъ такъ называемыхъ правъ на чужую вещь (*jura in re aliena*), слѣдовательно узупфруктъ принадлежитъ къ такъ называемымъ вещнымъ правамъ (*jura in rem*). И такъ въ узупфруктѣ мы должны найти нѣтъ ли юридическія качества, которыя свойственны: во 1) вещнымъ правамъ, во 2) правамъ на чужую вещь, въ 3) сервитутамъ и наконецъ въ 4) личнымъ сервитутамъ.

Что касается прежде всего до понятія вещныхъ правъ, то относительно его мы исходимъ изъ наиболѣе распространеннаго мнѣнія между учеными мнѣнія, которое изложено нарим. ясно у

Вангерова¹⁾), и по которому вещныя права, въ противоположность личнымъ или обязательственнымъ правамъ, представляются *непосредственною властію лица надъ вещію*, непосредственною въ томъ смыслѣ, что даютъ властелину возможность *самостоятельно, собственною дѣятельностію вліять на вещь и устранять въ отношеніи къ предмету конкретной, данной власти вліяніе всякаго другаго лица на эту вещь*. Эта власть или можетъ обнимать вещь вполне, во всѣхъ отношеніяхъ ея и во всѣмъ ея качествамъ; въ этомъ случаѣ является понятіе права собственности (*in abstracto*); или же власть можетъ быть только частичною, т. е. касаться только извѣстныхъ опредѣленныхъ качествъ и свойствъ вещи, между тѣмъ какъ въ отношеніи ко всѣмъ другимъ качествамъ вещь подчинена власти другаго лица — въ этомъ случаѣ возникаетъ понятіе права на чужую вещь. Общія черты всѣхъ вещныхъ правъ (собственности и правъ на чужую вещь) именно заключаются въ вышеуказанной двойкой власти: 1) осуществлять разъ установленное вещное право независимо отъ какого нибудь другаго лица — при правахъ на чужую вещь также и независимо отъ личности хозяина вещи; 2) удерживать отъ вліянія на вещь всякаго другаго — при правахъ на чужую вещь и хозяина вещи на равнѣ со всѣми другими лицами, но только конечно въ отношеніи къ тому опредѣленному качеству вещи, по которому именно установлено право на чужую вещь и въ объемѣ соответствующемъ акту установленія права²⁾).

¹⁾ См. *Lehrbuch der Pandekten*. T. I. § 113 и слѣд. *Arndts*. § 126.

²⁾ Вслѣдствіе сего мы несколько не сомнѣваемся, что въ известномъ спорѣ ученыхъ о разрѣшеніи столѣповенія хозяевъ служащаго и господствующаго имѣній, потребности господствующаго должны быть удовлетворяемы преимущественно, такъ что если на примѣръ при такъ называемой *servitus aquae haustus* вслѣдствіе засухи въ служащемъ имѣніи не окажется достаточно воды для обонхъ имѣній, хозяинъ этого имѣнія можетъ брать изъ него воду только тогда, когда вполне будутъ удовлетворены потребности господствующаго имѣнія.

Видящему процессуальнымъ образомъ непосредственность власти доставляемой вещнымъ правомъ проявляется въ защитѣ этого права вещнымъ искомъ (*actio in rem*), указывающимъ на абсолютность или безусловность защищаемого имъ права (*идущаго contra quemcumque possidentem vel turbantem*)¹⁾.

И такъ мы видѣли, что все вещныя права, слѣдовательно и права на чужую вещь, имѣютъ извѣстные общіе признаки. Нельзя однако не признать, что, не смотря на это сходство, различныя права, подводимыя подъ общую категорію правъ на чужую вещь, существенно отличаются одни отъ другихъ во многихъ отношеніяхъ. Чтобы опредѣлить мѣсто, занимаемое нашимъ институтомъ въ этомъ отдѣлѣ правъ укажемъ вкратцѣ на виды ихъ, признаваемые римскимъ правомъ.

1) Сервитуты, *Dienstbarkeiten*, служебности вещи, какъ уже выходитъ изъ названія, состоятъ въ томъ, что извѣстная вещь, принадлежащая одному, служитъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ другому, вслѣдствіе чего этотъ послѣдній имѣетъ власть пользоваться опредѣленными качествами чужой вещи, напр. ходить по чужому имѣнію, добывать изъ него различные предметы (воду, песокъ и т. п.), извлекать все произведенія въ свою пользу и т. д.²⁾

2) Эмфитевтическое и суперфициарное права, которыя также представляются правами пользованія чужою вещью, но столь обширными, что совершенно отъменяютъ на второй планъ хозяина; существенные признаки собственности почти вполнѣ сосредоточены во власти эмфитевта и суперфициарія.

3) Закладное право, *Pfandrecht*, *pignus*, *hypotheca*, не даю-

¹⁾ О другихъ мѣнѣяхъ на счетъ значенія вещныхъ правъ см. Валгерова I. с. и Вехтера: *Erörterungen aus dem Röm. deutschen und württ. Privatrecht*. 3 Hfte. Stuttgart, 1845 и 1846 г. Hft. I, 4.

²⁾ О понятіи сервитутовъ и различныхъ мѣнѣяхъ ученыхъ на счетъ этого предмета ниже будетъ сказано подробнѣе.

щее залогопринимателю никакого права пользованія, но доставляющее ему право на цѣнность вещи, для полученія которой онъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ вліять на вещь вытребованіемъ ея у всякаго владѣльца и продажею ея, независимо отъ закладчика и владѣльца заложенной вещи.

Сравнивая исчисленные права, которыми по римскому праву и исчерпывается классъ правъ на чужую вещь, мы тотчасъ убѣждаемся въ существенномъ отличіи ихъ другъ отъ друга. Прежде всего отличіе закладнаго права отъ всѣхъ остальныхъ правъ на чужую вещь ярко бросается въ глаза: въ первомъ случаѣ чужая вещь вовсе не служитъ другому, она сама по себѣ вовсе не подчиняется власти посторонняго лица. Извѣстно, что даже кредиторъ, получившій предметъ залога во владѣніе (*pignus*), если онъ извлекаетъ изъ него плоды или вообще какія нибудь выгоды, совершаетъ деликтъ, именно *furtum usus*. И такъ закладное право отличается отъ другихъ правъ на чужую вещь въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) въ одномъ случаѣ вещь служитъ, *res servit*, въ другомъ она только отвѣчаетъ за долгъ, гарантируетъ его своею имущественною цѣнностью, *res obligata est*; 2) закладное право имѣетъ придаточную, не самостоятельную природу, между тѣмъ какъ вещныя права *пользованія* имѣютъ совершенно самостоятельный характеръ и независимы отъ какого нибудь другаго юридическаго отношенія. Очевидно здѣсь различія гораздо больше, нежели сходства, которое заключается только въ томъ, что кредиторъ по залогу имѣетъ подобно пользователям *вещный искъ* относительно чужой вещи, именно съ цѣлью полученія ея для продажи (*actio hypothecaria in rem*).

Что касается до различія между сервитутами съ одной и эмфитевтическимъ и суперфициарнымъ правами съ другой стороны, то оно не касается качества и содержанія этихъ правъ — они всѣ права на пользованіе чужою вещью, но относятся только къ объему ихъ, какъ относительно самаго способа пользованія, такъ и касательно времени пользованія. Поэтому мы находимъ